

Моник Кастийо

Республика и общественное благо: философское наследие и современные вызовы*

Моник Кастийо – профессор, член редакционного совета журнала «История философии». Университет Париж-Восток Кретей, Франция, 9410, Кретей, пр-т Генерала де Голля, д. 61

Современные государства должны сочетать личную свободу граждан с коллективным единством общественного тела. Республика – это политическая модель, в которой индивидуальная свобода заключается в участии в общем благе и общей судьбе. Демократия – это политическая модель, в которой сохранение личной свободы каждого человека является главной и общей целью политики. Эти две политические модели могут иметь недоброжелателей, как мы можем наблюдать на примере событий в сегодняшней Европе. Но, в сущности, современная цивилизация должна сочетать два философских наследия концепции республики: «кантовское» и «гегелевское».

Ключевые слова: государственный суверенитет, демократическое равенство, мировое гражданство, общественное пространство, Европа, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, М. Фуко, Ю. Хабермас

Мы называем республику политическим телом, формой правления, союзом во имя общего блага, стоящего выше личных интересов.

Для нас, европейцев, республика нашла воплощение во множестве национальных государств и означала приход демократии в виде национального государства.

Сегодняшнее устройство Европы переворачивает наше понимание идеи республики, поскольку переворачивает само понимание народа.

Нам очень приятно, когда в этом процессе мы наблюдаем исчезновение шовинистического и милитаристского национализма; но не когда мы сожалеем о размывании смысла и практик гражданственности. Европа пока только пространство, где люди сосуществуют. В умах все больше укрепляется идея о том, что в рамках системы Европейского союза республика станет жертвой демократии. Республиканская форма правления будет заменена европейской формой правления, которая принимает во внимание лишь отдельных индивидов и игнорирует общее благо; или, скорее, признает лишь общее благо, которое осуществляется в интересах отдельных людей.

Теперь мы можем поставить следующий вопрос: какое философское наследие может помочь нам – на основе республиканской формы политического единства – встретить вызовы современности? Ход мысли может быть следующим:

– Мы напомним о теоретической силе двух наследий, которые для удобства могут быть названы «гегелевским» и «кантовским». Проще говоря: республика в качестве национального принципа и республика как опора космополитической Европы.

* Текст выступления на конференции в Тбилиси 4–27 июня 2013 г.

- Мы опишем наличие разделения между республикой и демократией под влиянием европеизации и под влиянием глобализации.
- Мы зададимся вопросом, как наше наследие сталкивается с этим новым вызовом.

I

Республика и общее благо

Республиканскими государствами являются такие, где народы управляют сами собой через закон, поставленный выше свободы. Эта формула кажется простой, но это не так, поскольку им необходимо достичь свободы граждан и единства общественного тела. Является ли социально активный гражданин тем, кто осуществляет свою свободу через законодательство? Теперь мы знаем две крайности, которые угрожают республике: единство без свободы, что есть чистое принуждение, и свобода без единства, что есть чистая анархия. Согласно кантовскому определению, чтобы соединить эти крайности, нужно до определенной степени рискнуть: соединить максимум единства с максимумом свободы.

1) Национальная модель (наследие Гегеля)

Для Гегеля союз свободы и единства осуществим в качестве общего блага, только если закон обладает связующей силой. Для этой цели требуется посредничество чувств к семье, социальной и патриотической солидарности; будучи не в состоянии воплотиться в эти чувства и удовлетворить их, закон является лишь абстракцией с исключительно дисциплинарной функцией. В республике любовь к законам является коллективным актуальным опытом, а не приверженностью главным принципам.

а) Национальное единство

Греки вдохновили Гегеля в его молодые годы в Берне идеей автономии, которая является не просто индивидуальной, но еще и политической; это вопрос автономии людей и, лучше было бы сказать, их политической и духовной самодостаточности в смысле культурной идентичности, сохранения их народного духа (Volkgeist). Гегель говорил о греках, что для каждого из них идея отечества, своей страны, была величайшей вещью, для которой он работал и которая давала ему импульс; для грека это была конечная идея мира или конечная идея его мира.

Эта формулировка может казаться несвоевременной, но все же она заключает в себе условие эффективности республиканской формы правления в современном контексте.

Во-первых, это главенствующее положение, трансцендентность закона в действенной форме трансцендентности политического тела.

Политическое тело произрастает из свободы людей, не какой-то отдельной свободы, а такой свободы, которая заключается в приверженности: общественная сила представляет собой не что иное, как союз приверженных свободам.

Закон воплощен в жизни граждан: он придает смысл общественной жизни. Если мы скажем это более современным языком, то должны будем оговориться, что республика существует только благодаря доверию граждан к институтам (которые имеют отношение к образованию, судебной системе, государственному управлению).

Республиканская связь – это намного больше, чем договор между индивидами, – это этическая реальность, и уверенность является наиболее явной и живой ее формой – это то чувство, необходимость которого подчеркивает Гегель. Связь граждан – это коллективная этика, которую Монтескье назвал бы добродетелью, согласующейся с республикой; но она означает, что власть в политике является результатом этической природы общественной жизни, которой живет и которую желает большинство.

б) Множественность народов

Мы, разумеется, также помним о разном гражданском состоянии множественности народов – условия свободы и в то же время возможной вражды между государствами. Не существует свободы без силы, и государство может обрести реальность в истории лишь путем сохранения своей силы. Суверенитет республики требует войны не как цели, но как отношения к другим суверенитетам; война – это жестокое наказание за «право на различие» политических сообществ, но это условие их множественности является условием их эффективного существования в качестве действующей силы, в качестве актора международной политической жизни. Это типичное определение того, чем характеризуется политическое в республиканском режиме.

Мы имеем дело не с группой людей, сплоченных личными интересами, а с союзом сил, живущих и желающих общественного блага.

с) Доступ к универсальному через государство

Республика является современным государством, как категоризированный и объединенный ряд черт, выходящий за пределы гражданского общества, которое в мировом масштабе существует в рамках «логики рынка». Универсальное может существовать только будучи воплощенным, и национальные особенности являются этим воплощением.

2) Республиканская надежда (наследие Канта)

Обнаружив у Гегеля иллюстрацию республики как политической силы, воплощенной в национальных государствах, мы будем искать у Канта принцип республиканской надежды или республики как горизонта политического смысла.

а) Республика как форма правления

Кант заявляет, что республика является единственным строем, в рамках которого соблюдается закон. Это значит, что данная модель представляется единственной для любого правового устройства, но поскольку правосудие может быть использовано как идеологическое алиби «политиканства», мудро было бы понимать и желать его в соответствии с законом: естественным законом как формулировкой права в соответствии с разумом, способностью, на которой построена априорная легитимация всеобщих норм.

Поэтому, когда Кант говорит, что республика – это единственное устройство, в рамках которого соблюдается закон, он ищет в республике то, что делает ее универсализуемой, чего желают все и что соответственно является разумно обязывающим. Республика может быть представлена как цель, к которой могут стремиться все народы мира без исключения, принцип единства людей, которое не просто осуществляется в определенных странах, исключая другие, но также является горизонтом высшей политической надежды.

Кант представляет республиканское устройство не как форму государственного правления, но как способ управления государством: это значит, что оно является моделью политического решения, а не легитимизацией техники господства. Это предусматривает прогрессивную республиканизацию политического решения, программу будущего, которую правители будут практиковать, чтобы осуществить свою легитимацию, а не господство. Республиканское устройство предстает рационализацией использования власти: монарх может править республиканским образом, когда относится к своим подчиненным как к гражданам.

б) Двойное гражданство

Республиканское устройство позволяет каждому индивиду получить двойное гражданство – той страны, где он был рожден, и таковое же как гражданина мира, дающее право пользоваться всемирным гостеприимством для свободного перемеще-

ния по всей территории Земли. По Канту, возможность решить для себя, к какому народу человек принадлежит и полноправным членом какого гражданского общества решил стать, – высочайшая идея, которую только может постичь человек относительно своего предназначения и которая не может быть им рассмотрена без воодушевления [см. Кант, 1966, с. 276–277].

Гражданство, как и республика, – это модель, которая должна быть взята в качестве правила в принятии политических решений: республиканские законы находятся в согласии с волей народа, когда народ берется как чистая и идеальная норма в отношении правосудия и общественных законов.

Разве эта идеальная норма не сильно абстрагирована и разве это не способ лишения народа реального осуществления власти? При такой аргументации мы смешиваем власть с правосудием и рассматриваем права гражданина как личное достояние и инструмент власти. Но Кант борется именно с путаницей между господством и правосудием: обретение большей власти для господства не подразумевает принятия более справедливых решений. Более того, это создает специфический для демократии риск, который состоит в отождествлении права людей с абсолютной властью; а функция республики совсем не в этом.

с) Критическая функция республики

В действительности мы обязаны признать критическую функцию республиканского устройства: если гражданство рассматривается как критическая норма осуществления власти, то власть видится не с точки зрения господства, а с точки зрения ответственности за решения. Кант дает две зарисовки этого.

– Против искушения использования морали в качестве алиби для подчинения граждан. Республиканский путь состоит в публичности политических максим для выявления незаконности принятия политических решений, когда они в чистом виде принудительны.

– Против искушения мирового правительства: модель альянса против войны предпочитается модели мировой республики или мирового правительства: республика не должна быть предложением для установления полного господства, даже если на кону стоит мир во всем мире.

д) Этически-правовое значение гражданства

Гражданин, который берется исключительно как модель и цель политических реформ, является идеальным, а не эмпирическим гражданином; это чистая гражданская воля, которую каждый несет как то, что возвышает его волю над эмпирическим уровнем. Применительно к Руссо мы говорили о героической концепции гражданственности и можем применить ее к кантовскому гражданину: гражданственность является волей к закону, которая дает верховенство закону, а не человеку, или классу, или расе, или полу, или религии и т. д.

II

Республика – жертва демократии?

Республика, таким образом, связывает права людей с правами граждан, объединяет право человека на свободу с правом граждан на равенство путем их одинакового подчинения общему закону. Равенство – это республиканское завоевание и общее благо, поскольку устанавливает всеобщность прав: это вопрос не поддержки какой-то группы, но поднятия каждого до уровня автономии воли, к ответственности за свой выбор и свои суждения. В нем республика поддерживает демократию.

1) Равенство и растворение социальной связи

Мы знаем от Токвиля, что демократия возникает как непреодолимое движение к равенству условий. Но равенство возникает в двух формах.

В нормативном и моральном смысле равенство условий – это динамика демократии, главная движущая сила социальной жизни. Токвиль отождествляет ее с эмоциональной характеристикой демократии: каждый хочет расти, быть благополучным, присваивать средства благосостояния, быть судьей самому себе. Когда классы приближаются друг к другу, то это картина «идеального совершенства и всегда быстро приходит человеку на ум».

С другой стороны, это также может приводить к ослаблению всех, когда содействует радикальному индивидуализму. Эта идея может казаться парадоксальной, поскольку мысль, что равенство препятствует индивидуализму, кажется логичной.

Чтобы понять парадокс, давайте начнем со стремления к благополучию: каждый начинает строить для себя приятную жизнь, чтобы приобрести недвижимость, чтобы быть уважаемым, чтобы оставлять блага в наследство своим детям. Стремление к благополучию может диктовать стремление к деятельности и продуктивности.

Но это также может направить разум исключительно на материальные вопросы, вести к реализации себя на уровне обычной посредственности, обращению взгляда лишь на себя, провоцировать полное равнодушие к судьбе человечества и политической системы. В данном случае ясна причина этого: демократическое равенство не объединяет людей, но изолирует одних от других. И эта изоляция ведет к радикальной зависимости индивида от политической силы.

2) Демократизация в европейской форме

Данная проблема приобретает особое значение в современной Европе. Некоторые наблюдатели заметили, что подчеркиваемый Токвилем парадокс развивается сегодня на уровне европейской конструкции. Европа всегда продвигается больше в сторону равенства условий, что ведет к дальнейшему усилению государственного вмешательства, парадоксальным результатом которого становится ослабление внимания к общественным интересам в пользу интересов индивидуальных, отрицание общности в пользу единичности.

Тот же парадокс можно изложить иначе: социальный прогресс принимает форму индивидуализации, все больше и больше расширяющейся в аспекте удовлетворения потребностей; как следствие, стремление к усилению государственного вмешательства ведет к деполитизации действий государства в пользу прибыли рынка потребительских благ, когда образование, медицина, досуг и культура становятся требованиями, как говорится, «более и более персонализированными»; поэтому социализация потребностей имеет результатом растворение социальных связей и мерчандайзинг услуг: индивидуализация становится формой социализации, зависящей от рынка, закона, формации и т. д. настолько сильно, насколько это возможно, пишет Ульрих Бек.

Тем не менее данное явление воспринимается противоречиво. Ульрих Бек видит в нем возросшую зависимость человека от законов рынка, который таким образом обретает реальную социальную силу: чем больше люди эмансипированы, тем больше они контролируются рынком в области жилищного строительства, здравоохранения, обучения, социальной защиты и так далее. Одним словом, человек становится зависимым от всего, что его защищает.

Но если человек становится заложником мерчандайзинга, то это также его главная движущая сила, поскольку теперь он воспринимает жизнь в сообществе только в форме «сообщества рынка»; потребитель сам упраздняет республиканскую трансцендентность, когда видит в государстве лишь поставщика услуг и когда его вера (confidence) в институции заменяется верой в конкуренцию школ, больниц и пред-

приятый. Таким образом потребитель ускоряет мерчандайзинг социальной активности с антиреспубликанскими последствиями в отношении культуры: изображение общего блага устанавливается ныне в качестве нормы общества рынка, а не гражданского общества.

3) Конец республиканской модели

Республика дана так в воображении гражданина для биополитики. Фуко рассматривал биополитику как характеристику неолиберального государственного управления: биополитика это политика жизни, успешной и в то же время всесторонней. Полезные качества людей требуют управления их образованием, их здоровьем, их психикой. Фуко предусмотрел даже управление генетическим капиталом индивидов.

Через двадцать лет после установления диагноза Фуко парадокс лишь усилился, когда мы считаем, что на уровне современной Европы это не отказ от права на государство всеобщего благосостояния, но его обобщение, которое ведет к разрушению республиканской политики.

Европа санкционирует деполитизацию (в классическом смысле политики) современного общества и конец республиканской трансценденции. Республиканская трансценденция означает тот факт, что каждый человек ставит политическое объединение граждан над своими личными качествами, будь они половыми, экономическими или религиозными. Поскольку это разрушает гражданственность и республиканские связи, некоторые аналитики думают, что государство благосостояния угрожает генерализовать тоталитарную версию биополитики. Потому что государство всеобщего благосостояния намеревается защищать индивидов от опасностей жизни в обществе, от других и даже от самих себя. Эта система безопасности приводит к инфантилизации граждан.

III

От наследия к новым вызовам

Как поставить вопрос о нашем республиканском наследии сегодня?

Как поставить этот вопрос по-европейски?

В прениях по данному вопросу неясно то, что противники национального суверенитета стараются делегитимизировать республиканскую модель, чтобы легче подавить ностальгию по национальному государству. Когда недоверие к национальным государствам преобладает, есть соблазн отдать приоритет этническим и религиозным различиям в Европе в противовес национальным различиям. В частности, это позиция, которую выразил Ульрих Бек, чтобы Европа стала космополитическим государством. Таким образом, важно избежать постановки вопроса, при которой республика ведет к направленности народов против Европы и направленности Европы против народов. Для этого необходимо обдумать то, что идея республики среди европейских философов связана с двумя потребностями, одна из которых заложена в наследии, а вторая просматривается в перспективе. Без живого наследия, состоящего в присоединении к республике разных европейских народов, Европа бы не существовала. Но без потребности планировать в будущем открытия нового «политического тела, пример которого история не дает» (Кант), европейская конструкция не имеет будущего. Европа прошлого должна питать Европу будущего.

1) Устойчивая потребность в политической республиканской связи

Наследие гегелевской модели состоит в том, что политическая природа республиканской связи остается ключевой в противовес искушению аполитичностью. Ханна Арендт назвала «соблазном аполитичности» «деполитизацию» государства, когда

оно представляется не более чем надзирательным органом, ограниченным задачами управления и поддержки закона и порядка, и его задачи сведены к тому, чтобы быть простой «бюрократической машиной». Сутяжническая склонность сегодняшней Европы, которая одобряет легальные, страховщицеские и финансовые техники управления конфликтами, ведет в том же направлении.

Встав на путь потери этой политической связи, республика продолжает учить нас, что нам необходимо единство, которое является общим делом, поскольку подобное единство определяет смысл жизни, который может быть также и в то же время причиной происходящего в жизни общественной.

Такова консервативная и критическая сила республиканской модели: может быть, демократии недостаточно, чтобы понять Европу как политическое тело. Уважения к различиям, обобщенной толерантности, «солидарности между иностранцами» (Хабермас), заботы об индивидуальном благосостоянии, возможно, недостаточно, чтобы определить общую групповую и политическую судьбу; этого, возможно, недостаточно, чтобы создать гражданскую республику, политическое общее бытие.

Мы обязаны отметить, что там не хватает способности к жертве. Речь идет не о том, чтобы обязательно жертвовать жизнью, но о том, чтобы всегда жертвовать нарциссизмом. Жертва не всегда неизбежно соответствует жертвенному или аскетическому духу, когда это – самопожертвование сообществу, появлению которого мы стремимся содействовать: национальная модель долго представлялась моделью возвышения одного над другим, в реальности более высоким.

В обществе досуга и потребления это, другими словами, есть то, в чем до сих пор выражает себя республиканское этическое наследие: в отказе быть обманутым. Отказ верить, что массовое потребление, если оно является источником уравнивания и установления одинаковых условий для всех, позволяет трактовать консюмеризм как проявление культуры и видеть в нем достижение цивилизации прав человека. Это должен быть социально ориентированный гражданин, не рассматривающий мерчандайзинг досуга и удовольствия как этику равенства и отказывающийся от него как от техники гомогенизации потребностей.

Республиканство в европейском преломлении в большей или меньшей степени пребывает в ситуации, описанной Руссо в «Общественном договоре». Поскольку солидарность политического тела обретает очертания, воля в первую очередь должна быть связана с законом, а общее благо должно быть изначальным законодателем: «...необходимо, чтобы следствие могло стать причиной; чтобы общественный дух, который должен быть создан учреждением, предшествовал ему и чтобы люди были до законов такими, какими должны их сделать законы» [Руссо, 1938, с. 36]. Другими словами, чтобы достичь гегелевской глубины в республиканской интеграции, братство должно создавать себя вместе с законами сосуществования: нет республики без этической прочности. Нет республики без общей судьбы, так как республика является «целью» общей истории.

2) Мораль и общественное пространство

Но мы можем поставить вопрос иначе и удивиться: как быть гражданином будущего политического тела, которое все еще не существует? Несколько ответов можно взять из кантовского наследия, связанного с республиканской надеждой. На самом поверхностном уровне наше отношение к республике минимизировано: мы не перестаем множить барьеры всем рискам тирании или отчуждению и поэтому мы столь строго фиксируем отрицательную и оборонительную концепцию республиканского идеала перед риском стерилизации и лишения смысла. Мы сторонники республиканского идеала, единственная выгода от которого должна быть невыполнимой: республика республик никогда не будет возможна. Наиболее крайний индивидуализм может быть помыслен как форма гражданственности, состоящей исключительно из прав без обязанностей.

Но наиболее популярная кантианская версия состоит в морализации норм суждений и управленческих решений. Не будучи гражданином фактически существующей республики, каждый делает себя таковым на основе целого ряда принципов, наиболее явный из которых – приверженность человеческим правам: уважению к другому и практике диалога (Хабермас). Таким образом, гражданственность не соответствует какому-либо виду членства, а является прежде всего образом мысли: постнациональным способом, который пытается оживить свое универсалистское призвание путем установления императива права на различие и открытости другому без ясного понимания, почему эти принципы могут быть использованы жестоким и архаичным способом именно через узкий дифференциализм.

Это морально-космополитическое гражданство с легкой руки названо транснациональным гражданством, Европа поместила себя в пространство коммуникации, а не политического тела.

Эта версия (Хабермас) одновременно верна и не верна кантианству. Она предлагает культурное гражданство, состоящее в приверженности европейской цивилизации, но забывает антропологический аспект, связанный с кантовским космополитическим гражданством.

Кантовская Европа наделена интернационалистской цивилизационной судьбой и основана на солидарности между поколениями, которая выражена в концепции совершенствования: способность к совершенствованию означает, что любая работа, любое изобретение и любой проект существуют лишь постольку, поскольку имеют последователей; они создают настоящую связь между поколениями. Способность к совершенствованию является продолжением жизни в другом, будь то человек или народ.

Это будет наше заключение

При этом подходе Европа Канта – не просто собрание анонимных индивидов, нацеленных на высокие моральные принципы. Это история, и она имеет назначение, сравнимое с миссией: самоопережение технического века цивилизации полностью выполнило обещания современного Просвещения; новый политический союз должен быть его колыбелью.

Если мы являемся предшественниками «политического тела, примера которого история не дает» (Кант), то мы можем сказать, что республика также присутствует в ожидании или в отсутствии республики; в ожидании или в отсутствии нового политического союза.

Подобный союз лишь отрицателен, когда он произрастает на общих предостережениях, определяющих совместное проживание, регулируемое основными принципами. Но положительный союз будет нуждаться в менее отдаленных и менее формальных культурных ресурсах; он будет нуждаться в энтузиазме сильнее, чем во взаимном уважении; должны ли мы представлять, что восхищение и изумление, сочувствие и уважение, храбрость и бесстрашие и т. д. могут стать республиканскими в культурном плане добродетелями, когда слава или творчество страны живы, как то, что приумножает величие или возможности других. Это не новое явление: близкими можно считать работы, предполагающие определенную близость по духу (ментальности) за пределами границ и даже вопреки им. Таким же образом празднование национального события, как, например, падения Берлинской стены, может вызвать коллективное признание со стороны всех европейских государств... Не был ли Кант первым, кто понял, что Французская революция уже была событием европейского масштаба?

Эпилог

**Вопрос, заданный учеными из Украины и Грузии:
«Уместно ли делать отсылки к европейской культуре?»**

Европа переживает период кризиса. Этот кризис не только экономический, но и культурный, поскольку европейцы не смогли обнаружить общий источник энергии в общей вере в разделяемые ценности. Они не могут вернуться к взаимно разделяемой культурной вере.

Для конкретного политического анализа это значит, что Европа состоит из людей, чьи культуры различны; таким образом, культурное единство Европы отсутствует; необходимо создавать прагматический федерализм; европейцы могут иметь общие интересы, они не могут признать для себя общую культуру.

Для философов, таких как Гуссерль или Паточка, которые пострадали от установления тоталитарных режимов в Европе, европейская культура состоит в принципе сопротивления: европейская культура является делом, которое не имеет конца и в котором Европа не может остановиться, не впадая в бесчеловечность.

Сегодня Европа сталкивается с глобализацией, то есть главенством цивилизации знаний: это означает, что университетское знание становится главной движущей силой экономических инноваций. Возникает вопрос: будет ли формирование новых поколений сводиться к господству английского языка, информационных технологий и менеджмента, то есть знания без культуры, к безличному ноу-хау, оправданному лишь своей технологической эффективностью?

Наша гипотеза заключается в следующем: для европейцев возможно признать, что, несмотря на все различия, их историю характеризуют общие культурные устремления. Давайте выделим три значимых философских момента:

– Сократ: формула, приписываемая Сократу – «Я знаю, что ничего не знаю», – характеризует научный ум в динамике его собственного воссоздания. Наука – не сумма истин, но череда вопрошаний. (Поппер в XX в. не говорит ничего сверх этого.)

– Кант: согласно формуле, при помощи которой Кант определяет просвещение: «Просвещение – выход человека из собственного несовершеннолетия», – в конечном итоге легитимация прав человека на свободу и достоинство основано на субъективной способности самокритичности, состоянии полного доверия к человеческому слову.

– Гуссерль: когда Гуссерль определяет европейскую рациональность как дело, которое никогда не будет закончено, он понимает (выстраивает) разум как духовную энергию, что означает, что вся человеческая жизнь представляет собой движение непрерывного самоуяснения.

Примут ли ученые Украины и Грузии это определение: «Европа – это культура. Ныне культура – это работа над собой, формирование самого себя, попытка усвоить то, что выходит за пределы индивидуального. Вследствие этого, она не может быть унаследована. Наоборот, она должна быть завоевана каждым. Мы не можем родиться европейцами, но мы можем работать, чтобы стать европейцами...» [Brague, 1992, p. 189].

Список литературы

Кант, 1966 – *Кант И.* К вечному миру // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 257–309.

Руссо, 1938 – *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. М.: Соцэкгиз, 1938. 123 с.

Brague, 1992 – *Brague R.* Europe, la voie romaine. P.: Criterion, 1992. 189 p.

Republic and Public Good: Philosophical Heritage and Contemporary Challenges

Monique Castillo

PhD in Philosophy, Professor, the member of editorial council of revue "History of Philosophy". University of Paris-East Creteil. 61 avenue du Général de Gaulle, 9410, Creteil, France

Modern states have to join the individual freedom of the citizens with the collective unity of the common body. Republic is the political model in which individual freedom consists in participating to a common good and a common destiny. Democracy is the political model in which the preservation of every individual freedom constitutes the main and common goal of politics. These two political models can get enemies, as one can see in events that happen in Europe today. But, as a matter of fact, the modern civilisation has to combine two philosophical heritages for the concept of Republic: the one of Kant and the one of Hegel...

Keywords: republican sovereignty, democratic equality, cosmopolitic citizenship, public space, Europe, Immanuel Kant, Georg Wilhelm Friedrich Hegel, Michel Foucault, Jürgen Habermas

References

Brague R. *Europe, la voie romaine*. Paris: Criterion, 1992. 189 p.

Kant I. K vechnomu miru [Perpetual Peace]. In: I. Kant. *Sochineniya* [Works], vol. 6. Moscow: Mysl' Publ., 1966, pp. 257–309. (In Russian)

Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore* [On the Social Contract]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1938. 123 p. (In Russian)

Перевод с английского языка Д.А. Кибальчича